

СЕГОДНЯ НА ВЫСТАВКЕ

ПЕРВАЯ ПЯТИДНЕВКА

Пятый день работает Всесоюзная сельскохозяйственная выставка. Ее ежедневно посещают до ста тысяч человек. Всеобщее оживление царит на аллеях и площадях, в павильонах и на демонстрационных участках. Здесь — москвичи, зарубежные гости, экскурсанты из республик, краев и областей. Каждый день по пятидневным путевкам прибывают 3.500 передовиков сельского хозяйства.

Москвичи проходят от павильона к павильону быстро, желая осмотреть за день «все». Благое желание, но оно далеко не осуществимо. Сельские экскурсанты ходят медленно, много записывают, разговаривают с агрономами, встречаются со знающими людьми — знатоками колхозного строя, опытниками.

Приехавшие к открытию выставки с сожалением отмечают, что пять дней, проведенных в Москве, пролетели незаметно. Каждый немец ходит дополнительно в интересующий его павильон, расспросит подробно о методах работы, агротехнике или характеристике сорта, породе скота, познакомится с новыми машинами, — а тут и уезжать пора.

— Мы успели осмотреть лишь часть выставки, но и это глубоко захватило нас. Много записывали, да всего не охватить. — заявляют посетители выставки, знатные колхозники Клементины С. Витат, Е. Хобта, Т. Шандо, О. Дитман.

— Много нового узнал я, знакомый со стендами институтов Академии наук Белорусской ССР. В частности, запомнил, когда лучше всего и какие вносить удобрения под лен. Выставка — наша школа! — говорит белорусский колхозник Г. Кузьмин.

Первые экскурсанты справедливо сожалют, что вместе с видным и записанным в свои блокноты они не смогли увести с собой литературу, подробно описывающую опыт отдельных хозяйств и передовиков. Обещанные управлением пропаганды выставки листовки и брошюры заходили. До сих пор нет в продаже путеводителей по павильонам и всей выставке. Об этом уже сказано немало записей в книгах отзывов.

НОВАЯ ПШЕНИЦА

На экспериментных участках, где, как известно, высеяно и посажено 1.907 сортов различных культур, созрели зерновые. Урожай убран. Рожь и пшеница, связанные в снопы, выставлены для обозрения. Подсчитано, что многие сорта зерновых культур, попав в благоприятные условия, дают урожай в 50-70 центнеров зерна с гектара.

Посетив выставку, руководители партии и правительства познакомились с высокоурожайными пшенично-ячменными гибридами, выведенными академиком Н. Цициным и его сотрудниками, а также с участком, на котором был успешно проведен опыт весеннего скашивания пшенично-ячменной гибридной смеси на зеленой корм на зерно. Министерству совхозов СССР и Министерству сельского хозяйства СССР предложено шире распространить этот сорт на полях совхозов и колхозов с учетом почвенных и климатических условий различных зон страны.

Это вызвало всеобщий интерес у хлеборобов, приехавших на выставку. Каждый считает своим долгом лично посмотреть пшеницу, дающую до 70 центнеров зерна с гектара. Снопы с пшенично-ячменными гибридами недосчитывают уже многих колосьев. Желание завести у себя на полях высокоурожайный сорт велико и закононо.

У павильона гидрометеослужбы. Метеослужба. Фото С. Васина

В павильоне «УРАЛ» Работы Терентия Мальцева — замечательного опытного из колхоза «Звезда Ленина» Курганской области — показаны в павильоне «Урал» на отдельном стенде. По предложению Мальцева, колхоз применил новые приемы обработки почвы под покров яровой пшеницы и собрал урожай по 15,1 центнера с гектара на площади в 22,573 гектара. Посетители записывают сведения о колхозе, просят экскурсоводов подробнее рассказать, в чем заключается метод Мальцева. В книге отзывов говорится: «Работа Мальцева заслуживает пристального внимания и должна внедряться в колхозах и совхозах».

Глазами иностранцев С большим интересом осматривают выставку иностранные гости.

В павильоне «Зерно» группа гостей из народного Китая надолго задержалась в зале селекции и семеноводства. Их интересует все, что связано с получением новых сортов: подбор родительских пар, метод выведения пшенично-ячменных гибридов? Такое внимание к одной теме оказалось не случайным — все группы гостей состояла из директоров сельскохозяйственных институтов, опытных станций и селекционеров.

Экскурсанты из Кореи больше всего заинтересовали в павильоне Украинской ССР работы опытного Марка Озерного, которому посвящен отдельный стенд.

Польские хлеборобы подробно записывали в свои тетради опыт работы богатого многоотраслевого колхоза имени Кирова на Могилевщине. Их удивил своим размерами десятигаектарный дождь колхоза. Вместе с общим доходом артели растут и личные доходы колхозников: в 1951 году на трудодень выдавалось по 4 руб. деньгами, а в 1953 году — по 21 руб. Большой интерес проявили польские товарищи к машинам, применяемым в Белоруссии на осушении болот.

Индийские гости, посетив павильон «Механизация и электрификация сельского хозяйства», записали в книгу отзывов: «Сегодня мы посетили ВСХВ. Это, вероятно, величайшая из когда-либо устраивавшихся выставок. Мы с величайшим удовольствием видели своими глазами большие достижения Советского правительства в области сельского хозяйства. Интерес к нему правительства ясно указывает на усилия, направленные на повышение жизненного уровня советского народа. Между прочим, эта выставка стала одновременно и выставкой технической культуры, а также и искусства всей нашей страны, так как она представляет технический уровень народов, отображенный в национальных павильонах. Это указывает на единство всех народов, населяющих нашу великую страну».

Всесоюзная сельскохозяйственная выставка — сокровищница передового опыта. Много ценного и полезного находит здесь каждый ее посетитель.

П. МАКРУШЕНКО

Второе новоселье

На севере Казахстана, возле озера Май-Балык, строится усадьба нового Бузулукского зерносовхоза. В степи, почти в ста километрах от железнодорожной станции, живут и трудятся, осваивая целинные земли, пятьсот механизаторов. Они успешно справились с весенними полевыми работами: на тысячектарном массиве радует взор яровая пшеница. Бригады ушли в глубь степи за будущим — тридцать километров и распахивают земли под урожай следующего года.

Для механизаторов создается благоустроенный поселок. На центральной усадьбе совхоза уже застроены деревянными домами три улицы — Московская, Сталинградская и Ярославская. Заключена сборка двухэтажного восьмиквартирного дома.

Это второе новоселье, справляемое механизаторами. Первое было ранней весной, когда разбили в степи палатки; второе сейчас, когда из палаток они переходят жить в дома. Уже заселена вся Московская улица. Новоселье отразилось на жизни тридцати домов. Десятки семей обзавелись огородами. Многие решили строить собственные дома.

БУЛАЕВО, Северо-Казахстанской области

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 93 (3277)

Четверг, 5 августа 1954 г.

Цена 40 коп.

Глубже обобщать опыт нашей многонациональной литературы

Как многие ручейки и речки, сливаясь, образуют могучую, полноводную реку, так и многие десятки национальных литератур сливаются в единую советскую литературу — социалистическую по содержанию и многонациональную по форме.

Невозможно сегодня представить и правильно оценить процесс развития нашей литературы без произведений писателей национальных республик. Только в 1953 и начале 1954 года наши центральные «столетие» журналы издавали персональные номера с романами белорусского Ф. Пестрака «Встретимся на баррикадах», латвийского писателя В. Ланца «Носелок у моря», в повести алтайского писателя А. Вяткина «У ала в ауле», рассказе бурят-монгольского писателя Ц.-Ж. Цыбгенова, статьями казаха М. Ауэзова, поэмой азербайджанца И. Ибрагимова, стихами армянского поэта Г. Эмина, грузинского — Г. Табидзе, аварского — Р. Гамзатова, абхазского — А. Лаурца, коми — С. Новова и т. д. Одни из этих произведений — более удачные, другие — менее, но уже сам этот далеко не полный перечень дает яркое представление о том, насколько наша литература многообразна, самобытна, неисчерпаема по своим резервам.

Писатели 60 национальностей (из которых свыше 40 национальностей получили письменность только в годы советской власти) дружной совместной работой плодотворно развивают великую советскую литературу.

С невиданной быстротой развиваются наши национальные литературы! Около 50 национальных литератур включают теперь в себя произведения всех родов и жанров — прозы, поэзии, драматургии, литературной критики.

На белорусском языке в 1913 году было издано всего 2 книги, а за 35 лет советской власти произведений Я. Коласа изданы свыше 130 раз. Я. Купалы — около 90. К. Крапивы — свыше 30. М. Танка и И. Бровки — свыше 20.

В Киргизии, где первое литературное произведение — газетные стихотворения — было напечатано 7 ноября 1924 года, ныне живет и работает большой писательский коллектив, насчитывающий свыше 60 членов и кандидатов СПП.

В Марийской АССР за двадцать лет, прошедших после Первого всесоюзного съезда писателей, издано 134 произведения марийских литераторов общим тиражом свыше полумиллиона экземпляров. Туви́нский народ, чья письменность берет начало с 30-х годов, уже имеет такого мастера прозы, как Салчак Тока, — автор повести «Слова арата». В Дагестане, народ которого получили письменность после Октябрьской революции, ныне издается литературно-художественный альманах «Дружба» на пяти языках: аварском, даргинском, лезгинском, кумыкском и лакском.

Только благодаря ленинско-сталинской национальной политике нашей партии, благодаря нерушимой дружбе народов стал возможен столь быстрый расцвет, не имеющий ничего подобного во всей мировой истории.

С полным правом можем мы говорить ныне о настоящей зрелости наших национальных литератур. И это позволяет вести разговор о них в серьезном, деловом тоне, без каких-либо скидок. Справедливо отмечая достижения советской многонациональной литературы, мы обязаны вскрыть и недостатки и слабые стороны отдельных литератур.

В ходе предшествующей дискуссии на страницах литературных газет и журналов, на республиканских съездах и отчетно-выборных собраниях выявляется творческий разговор о насущных вопросах жизни наших литератур: о вторичности литературы в жизни, о партийности и активной респондентальной роли, о широте и актуальности ее тематики. Только разветвленная широкой, свободный обмен мнениями по острым творческим вопросам, можно обеспечить дальнейшее успешное развитие нашей литературы.

Советский народ справедливо желает видеть больше произведений, в которых ярко и правдиво отразилась бы наша действительность, была бы показана подлинная героика нашего времени.

Можно ли мириться с тем, что украинские писатели — одни из сильнейших авторов нашей многонациональной литературы — до сих пор не сумели создать хороших романов в рабочем классе? А ведь украинские рабочие — металлурги, шахтеры, машинисты — вырвали, наконец, прочтут произведения, достойные их прекранных дел.

Слабо развивается проза в рабочем классе в Белоруссии, Татарии и ряде других республик.

В отдельных литературах еще не преодолены проблемы далекого прошлого, идеализация этого прошлого. На недавнем съезде грузинских писателей подчеркивалось, что многие исторические романы грузинских писателей не дают правильного освещения истории: в центре повествования — не народ, а вельможи.

В поэзии республик Средней Азии еще встречается увлечение архаикой, устарелыми, отжившими формами.

Правильное понимание научных задач советской литературы, дальнейшее ее развитие невозможны без коллективного общения многих вопросов в широкой предельно открытой дискуссии как на страницах газет, так и на республиканских съездах и собраниях писателей.

По-прежнему процветает формирование метода социалистического реализма в искусстве разных народов. Есть литературы, в которых первые произведения социалистического реализма создавались на основе

традиций, унаследованных от творчества лучших писателей критического реализма, — украинская, белорусская, латышская, армянская. Есть некоторые литературы народов Средней Азии и Северного Кавказа, имеющие богатые традиции литературы феодального прошлого, но не обладавшие ранее произведенными критическим реализмом. Есть, наконец, литературы, возникшие в годы советской власти и опирающиеся только на традиции устного народного творчества, — киргизская, марийская, якутская, дагестанская.

В каждой из этих литератур социалистический реализм проходил особые, национально-самобытные пути становления. Подготовка к Всесоюзному съезду должна помочь тому, чтобы изучить эти многообразные процессы, видеть своеобразие каждой литературы и в то же время — те общие, ведущие линии и тенденции, которые создают внутреннюю цельность и единство всех литератур народов СССР.

За время, прошедшее после Первого съезда, сокровищница советской литературы обогатилась творчеством писателей Латвии, Эстонии, Литвы, Бессарабии, Западной Украины, Западной Белоруссии, Закарпатья. Для понимания качественного своеобразия метода социалистического реализма много дает изучение творчества революционных писателей этих республик и областей, создававших в годы буржуазного режима боевую демократическую, протестную литературу, закладывавших основы социалистического реализма: А. Унгита, В. Ланца, С. Цвирики, Я. Галана, П. Гаврилюка и других.

Национальные литературы в нашей стране развиваются на основе общего роста литературы социалистического реализма. На основе органической взаимосвязи творчества всех народов Советского Союза. Каждый народ использует не только собственные национальные традиции, но и все лучшее, перешедшее в культуру братских народов, осваивает их творческий опыт, их классическое наследие и прежде всего идейно-художественный опыт русского народа. Изучение этого опыта, правильное научное раскрытие традиций русской литературы, и особенно Горького и Маяковского, в творчестве писателей братских республик, несомненно, является реальной помощью в развитии наших литератур.

Особенно великое влияние русской литературы на становление развитой, разнообразной по жанрам прозы братских народов. Без русского реалистического романа не смогли бы в такой короткий исторический срок возникнуть и развиваться как жанр национальной литературы казахский, таджикский, киргизский, туркменский, таджикский романы «Абай» М. Ауэзова, «Люди наших дней» Т. Сыдыкбекова, «Решающий шаг» Б. Кербабаева и т. д. — все эти произведения, созданные в период между съездами, по праву стали достоянием всесоюзной литературы, заслужили любовь многомилионного читателя.

В свою очередь, русский роман вопрет в себя все лучшее, что выработал коллективный опыт наших братских литератур, опыт А. Унгита, В. Ланца, С. Айна, М. Ауэзова и других крупнейших мастеров слова. — это взаимовлияние, взаимобогащение является одной из наиболее значительных черт нашей многонациональной литературы.

Становление прозы в большинстве национальных литератур — характерное явление нашей литературной жизни за время, прошедшее с 1934 года. Одна из задач предшествующей дискуссии — осмыслить путь, пройденный прозой той или иного народа, выделить основные тенденции ее развития, ясно представить трудности, неудачи, замедляющие рост мастера произведения.

Формирование метода социалистического реализма, становление и рост литературы проходила и проходит в непрерывной борьбе против проявлений буржуазного национализма, против попыток увести советскую литературу с единственно правильного пути коммунистической идейности, партийности. Вспомнить основные этапы и почувствовать уроки этой борьбы, решительно разоблачать рецидивы буржуазного национализма в произведениях последних лет — значит оказать действенную помощь подготовке Всесоюзного съезда.

Борьба с рецидивами буржуазного национализма, нельзя также проходить мимо тех инстинктивных попыток, которые под флагом борьбы с национализмом направлены на то, чтобы отвергнуть значительную часть классического художественного наследия. Особенно вычленили из творческого наследия писателей, которые не подвергнуто глубокому анализу, а следовательно, не осмыслены, — произведения писателей советского периода, творчество лучших писателей первых лет советской власти. Следует вспомнить, в частности, то ценное, что заключено в художественном наследии Е. Чаранды в Армении, М. Джавахидовича и Т. Табидзе в Грузии.

Широкое творческое обсуждение требует всех круг вопросов, связанных с национальной спецификой, национальным своеобразием литературы. До сих пор нельзя назвать ни одной работы, в которой бы достаточно глубоко анализировались вопросы национальной специфики культуры, национальной формы литературы. А ведь здесь встает ряд далеко не решенных практических и теоретических вопросов: первичное и реакционное в национальной традиции, использование устойчивых традиционных образов для изображения современной жизни, своеобразие стилей, характер освоения творческого опыта писателей других народов и т. д. и т. п.

Решение этих вопросов невозможно без внимательного глубокого изучения твор-

чества крупнейших мастеров слова, успешно развивающих метод социалистического реализма. Между тем, несмотря на ряд удачных монографий и статей, до сих пор творчество выдающихся писателей братских республик изучается явно неудовлетворительно. Слишком мало печатаются книги исследовательского характера, квалифицированных популярных брошюр, особенно статей о писателях братских республик. Не имеет всесоюзный читатель до сих пор значительных работ об А. Унгите, П. Гаврилюке, М. Рыльском, А. Яковбене, Г. Табидзе, С. Айна и других видных советских писателях. А ведь на примере творческого пути этих писателей можно проследить историю борьбы за метод социалистического реализма, увидеть, как преодолевались, отбрасывались нашими национальными литературами в их движении к социалистическому реализму чуждые идейно-творческие влияния.

Часто авторы книг и брошюр поверхностно подходят к изучению творческого пути писателей, ограничиваются изложением биографии писателя и более или менее подробным пересказом содержания произведений. Глубокое изучение творчества писателя, кропотливое исследование его «творческой лаборатории» в них нет.

В большинстве монографий и особенно в статьях «исследователь» писатель берется в отрыве от других, никакого представления о его месте в общем литературном процессе не создается. Бывают же случаи, что монографии и статьи носят апологетический, захваливающий характер.

Почти не выступают с критическими статьями наши крупнейшие писатели, чей творческий разговор в значительной мере помог бы развитию критики.

Редакции некоторых журналов и альманахов заметно снизили уровень критической мысли. Нельзя мириться с тем, что журнал «Советник Кыргызстана» в этом году фактически свернул раздел критики и библиографии: в пяти номерах журнала о киргизской литературе напечатаны всего одна статья и две рецензии. Крайне слаб раздел критики и библиографии в грузинском журнале «Мнаоби», в таджикском — «Шарки сарх», латышском журнале «Карог» не нашлось ничего лучшего, как перепечатать порочную статью В. Померанцева «Об искренности в литературе».

Слабо ведется отдел критики в альманахе «Дружба народов». В этом году в альманахе не появилось ни одной обобщающей статьи, ни одной серьезной монографической работы.

Следует признать, что развитие национальных литератур идет значительно успешнее, чем изучение их. Выправить это неравномерное положение должна хорошо организованная подготовка к Всесоюзному съезду.

Важным этапом этой подготовки являются республиканские съезды и отчетно-выборные собрания писателей. Однако писательские организации некоторых республик вяло, неповоротливо готовятся к съездам. Неоправданно затянута партия в ССР Белоруссии. Руководство союза сделало пока что очень мало для активизации творческой мысли белорусских писателей накануне республиканского и Всесоюзного съездов. Большие подвиги членов президиума правления и главные редакторы печатных органов союза пребывают в творческих или очередных отпусках. Неудивительно, что ни в журнале «Подняты», ни в газете «Литуратор и мастацтва» не появилось ни одной обстоятельной статьи о насущных задачах белорусской литературы. Вяло прошло недавнее собрание писательского актива, созванное для ожидания предсъездовской подготовки.

Серьезные недостатки обнаружилось и при проведении первых прошедших съездов и собраний. Докладчики в основном ограничиваются перечислением и краткой характеристикой произведений, изданных «за отчетный период», без глубокого анализа тех явлений и тенденций, о которых свидетельствуют эти произведения, без выхода за рамки «отчетного периода». Так было на съезде писателей Грузии в докладе И. Абашидзе, на съезде писателей Эстонии в докладе Ю. Шмуула, на съезде писателей Латвии в докладе В. Лукаса.

Писатели вправе требовать от докладчиков и содокладчиков не развернутой реченизации отдельных произведений, не только вычленив более или менее доброветных и точных оценок, а постановку проблемных вопросов, вокруг которых может и должно развернуться обсуждение.

Узость в постановке творческих вопросов на некоторых съездах во многом зависит от низкого качества докладов. Но во многом (и, пожалуй, в главном!) это определяется слабым участием в работе съездов видных писателей республик. А кому, как не им, мастерам своего дела, задавать тон на съездах, делиться своими мыслями о родной литературе, учить молодых литераторов.

От провозглашения сейчас республиканских съездов и собраний советская общественность ждет более глубокого осмысления путей развития данной литературы и основных ее тенденций, стратегического, заинтересованного взгляда на сегодняшнее состояние литературы. Не пытаясь по поверхности, а раскрывая процесс развития литературы — такую задачу докладов и выступлений на съездах. Только тогда съезды станут действительно полноценным итогом, реальным вкладом в дело развития национальных литератур.

Больше всего нужно бороться превращением съездов в болельские собрания. Речь, горячие споры, смелые ставить принципиальные вопросы творческой жизни, острей критиковать недостатки — только в такой атмосфере можно выдвигать вперед литературу и литературную критику.

Международные отклики

В ПОИСКАХ «ПОЗИТИВНОЙ» ПРОГРАММЫ

Как сообщает западная печать, представители правительств Соединенных Штатов, Англии и Франции начали консультации, чтобы согласовать ответ на Советскую ноту от 24 июля, содержащую предложение о созыве Совещания всех европейских стран по вопросу о коллективной безопасности в Европе. Нетрудно представить себе, какой характер носит эти «консультации» и как выглядит это «согласование». Напомним, что еще в тот день, когда Советская нота была опубликована в Москве, «официальные лица» в Вашингтоне, по словам корреспондента агентства Ассошиэйтед Пресс, заявили, что «это предложение будет решительно отвергнуто». В Белом доме был поставлен рекорд поспешности. «Далее отверг эту ноту, пожалуй, еще до того, как она была получена в Вашингтоне», — писала английская газета «Дейли геральд».

Пока представители трех западных держав консультируются за закрытой дверью, американская печать занята тем, как великие старается оправдать в глазах мирового общественного мнения позицию восточного ведомства Даллеса.

Возмем, например, газету «Нью-Йорк таймс». На днях она опубликовала редакционную статью, в которой пытается объяснить, почему США собираются отклонить предложение о созыве Совещания всех европейских государств. У влиятельной американской газеты не находится никаких доводов, кроме стандартных отговорок и фальшивых аргументов. «Если бы существовала какая-то возможность достижения почетного урегулирования в Европе путем созыва такого совещания», — изрекает «Нью-Йорк таймс», — то это следовало бы, конечно, выяснить. Но если бы такая возможность существовала, то само совещание было бы unnecessary».

Почему же? Тут следует старая и навязчивая фальшивая отговорка: Советский Союз, дескать, не хочет мирного урегулирования. Однако, поскольку жизнь такого утверждения теперь, после Женевы, особенно режет слух, «Нью-Йорк таймс» рекомендует не просто сказать «нет» на советское предложение, а противопоставить системе коллективной безопасности какую-либо «позитивную» программу.

И вот здесь «Нью-Йорк таймс» невольно протрывает завесу над действительными причинами упорного нежелания Соединенных Штатов содействовать созданию коллективной безопасности в Европе. Газета предлагает «для начала» выдвинуть программу сенатора Уэллеса, первые же пункты которой гласят: как можно скорее заключить военный пакт в Юго-Восточной Азии и настаивать на быстрой ратификации Францией договора о «европейском оборонительном союзов».

Но ведь именно эти «вашиingtonские программы» создания агрессивных узких военных группировок и отвергают народы! Кому же не известно, что своим беспардонным навязыванием авантюристических проектов военных блоков Соединенные Штаты снискали себе недобрую славу и в Западной Европе и в Азии. Слишком многие англичане, констатируют, например, обозреватели английской газеты «Ньюс критик», считают Америку всегда и во всем неправой, всегда глупой, всегда драчливой, всегда стремящейся развязать превентивную войну».

Вслед за «Нью-Йорк таймс» пустились на поиски «позитивной» программы и другие органы прессы монополий. Все чаще в американских газетах и журналах встречаются призывы «переместить стратегию» Вашингтона. Только что с таким предложением выступил журнал «Форчун».

В вышедшем на днях августовском номере этого журнала помещена статья Чарльза Мэрфи под названием «Состояние новой стратегии Америки». Статья весьма любопытна. Автор вынужден признать, что система военных блоков, созданная Соединенными Штатами, «подвергается серьезному испытанию и напряжению», — говоря проще, эту систему отвергают миролюбивые народы. И Мэрфи рекомендует «перейти к стратегии союзов, создаваемых по выбору и по географическому принципу». «Союзы по выбору» он советует заключать в соответствии с размещением американских авиационных баз. С его точки зрения, наиболее подходящими для этого являются: Гренландия, Испания, Азорские острова, Французское Марокко и другие страны Северной Африки, Турция и Япония.

Любопытно, что в своем перечне Мэрфи обходит многие страны Западной Европы. Он даже подчеркивает, что эта стратегия «могла бы действовать без наших нынешних баз в Англии».

Нетрудно заметить, что выбор журнала «Форчун» падает на те страны, территории которых, с точки зрения Вашингтона, наиболее удобно использовать для агрессивных стратегических целей. В чем же смысл «позитивной» программы Мэрфи? Он заключается в том, чтобы «дополнить систему военных блоков, подвергнувшихся серьезному испытанию и напряжению» агрессивными «союзами по выбору». Разумеется, «новая стратегия», которую с таким жаром рекламирует «Форчун», направлена не на укрепление, а на подрыв мира и безопасности в Европе и Азии.

Как ни обирай вороны в павлиньи перья, павой она не станет. То же самое можно сказать о многочисленных вариантах «позитивной», а на поверку — все той же агрессивной программы сколачивания военных блоков, которую washingtonские пропагандисты тщетно пытаются противопоставить идее коллективной безопасности.

ЛИТЕРАТОР

Театральное лето 1954 года

В летний театральный сезон этой года почти все московские театры приняли участие в гастрольном походе на территорию Украины и Центрального детского театра показали свое творчество во многих украинских городах и селах. Из большой поездки по Украине недавно возвратился и Краснознаменный имени А. В. Александрова ансамбль песни и пляски Советской Армии. Сегодня в Киев выезжает труппа Московского театра имени Ленинского комсомола.

Два месяца проведет на Урале и в Сибири Московский театр сатиры. В Днепрпетровске в августе выступит Московский театр драмы и комедии, а в Саратове — Драматический театр имени народного артиста СССР К. С. Станиславского. В Риге на днях закончил гастроль театр имени Вл. Маяковского. С творчеством московских театров познакомились этим летом жители Минска, Тбилиси, Мурманска, Орехово-Зуева, Иваново и других городов. Столицы Литвы и Латвии принимали большие группы солистов ГАБТ. Недавно вернулся с Дальнего Востока русский народный оркестр имени Основа.

Вслед за гастрольями Киевского государственного академического театра оперы и балета имени Т. Г. Шевченко и Киевского драматического театра имени И. Франко в Москве на днях закончил гастроль Харьковской академической украинской драматической театр имени Т. Г. Шевченко. Около месяца шли на сцене филиала Большого театра спектакли Молодецкого театра оперы и балета. Помимо классического репертуара, он познакомил москвичей с двумя советскими операми — «Жождение по мукам» А. Спавдавквкя и «В грозный год» Г. Крейтнера.

Недавно в Москву прибыл Ленинградский театр имени Ленинского комсомола и Украинский театр музыкальной комедии, отмечавший в этом году свое двадцатилетие. Среди пьес, которые театр музыкальной комедии впервые покажет москвичам артистам, — спектакль «За двумя зайцами» классика украинской драматургии М. Старицкого.

Впервые выступает на московской сцене коллектив одного из старейших русских драматических театров страны — Тамбовский областной драматический театр имени Луначарского. В его репертуаре пьесы тамбовских драматургов Н. Архангельского «Печать доверия» и Д. Деятова «Родник в степи» и давно не шедшая в Москве пьеса А. Островского «Пучина».

При Всесоюзном гастрольном объединении создаются два новых драматических театра. Они совершат походы в районы освоения целинных и залежных земель и будут постоянно обслуживать жителей промышленных центров и сельскохозяйственных районов, где нет своих театральных коллективов.

НА ПОЛЯХ СТРАНЫ

В КОЛХОЗАХ

ЯКУТИИ

В Якутии стоят жаркие, погожие дни. Колхозы Вилюйского, Чурапчинского, Орджоникидзевского и Нюрбинского районов начали выборочную уборку ячменя и озимой ржи. Урожай выше, чем в прошлом году. Значительно возросла техническая оснащенность МТС и колхозов.

ТЫСЯЧЕПУДОВЫЙ

НАМОЛОТ

Передовые комбайнеры Могилевской области соревнуются за тысячепудовый намолот зерна в enda каждом агрегатом. На полях сельхозартели имени Александра Невского Бобруйского района работают пять самоходных комбайнов Телушской МТС. Все водители машин перевыполняют нормы.

КОСОВИЦА

РЖИ

Вчера на полях крупнейшего в Аргаяшском районе Челябинской области колхоза «Южный Урал» началась уборка урожая. Четыре комбайна приступили к косовице ржи. Весь комплекс уборочных работ, начиная с косовицы и кончая отгрузкой хлеба, механизмуется. Колхоз приобрел шесть зерноочистительных машин, три автомашины, два механических погрузчика. Первый хлеб нового урожая поступил на колхозные токи.

ВЫСОКИЕ

УРОЖАИ

Колхозы Олеской области ведут массовую уборку проса. Замечательные успехи добилась сельхозартель имени Буденного Труда М. Поситиний. Полеводческая бригада Якова Кравца собрала с каждого из 32 гектаров по 38 центнеров зерна.

НЕЗНАКОМЫЙ ДРУГ

Мы плохо знаем так называемых «областных» поэтов. Это несправедливо. Я, например, считал, что есть только один Луговской — поэт Владимир Луговской, человек, с которым я провел свою юность. Но оказывается, в Сибири живет и работает поэт Иновентий Луговской, человек, с которым я хочу познакомиться и подружиться. Он очень хорошо пишет. Если бы Инн. Луговской больше издавался в Москве, он давно уже был бы популярным поэтом. Союз писателей виноват, мне кажется, в том, что мы мало знаем хороших поэтов других городов. Он мало занимается прифронтийными писателями. «Сидит-де в своей области, а мы уж о вас позаботимся!». Таким образом, Иновентий Луговского я лично узнал только сейчас, прочитав маленькую книжку его детских стихов «Мишуткин трудень» (Красноярск. 1953. 28 стр.).

Что меня пленило в поэте? Интонация. Читая его стихи, и кажется, что человек с доброй улыбкой сидит рядом и разговаривает с тобой. Вот школьник катит на машине с предсезонным колхоза мимо поля. Он — юннат, он может отличить один сорт пшеницы от другого по внешнему виду: та, что с усми — «байдаланка», без усми — «суббанка».

Не могу лишь я добиться, Таину выведать одну: Как пшеницу от пшеницы Отличить мне по зерну? А вот ладья Саши может — На ладочку лишь положит... И смекает: потому, Что в очках видней ему.

Эта хорошая наивность, которую так часто ловишь и которую тем не менее не всегда удается поймать, свойственна почти всем стихам Инн. Луговского. Стихотворение «Наша рация» целиком построено на этой наивности. Она сквозит и в обращении в Ангаре, которая — это предвидит поэт — установила у шлюзит «бег своей вековечной»:

И прошли с Байкала пароходы Прямо на широкий Енисей... Ты ворчишь и сетуешь смущенно, Прячешься в туманы от зари... Ты не веришь? Так спроси у Дона, С Волгой и Днепром поговори!

Никакого лишнего пафоса — и вместе с тем до чего удивительно! Да, пройдут скоро пароходы с Ангары в Енисей, как прошли они из Волги в Дон! Патриотизм в этих стихах выражается не малозначимыми или громкими словами, а глубоко и художественно убедительно.

У Инн. Луговского попадают и неудачные строки. Их мало, и они не столь неудачны, чтобы на них останавливаться. А самое главное, я ставил себе задачей не подробный разбор этой небольшой книжки, вышедшей еще в прошлом году. Цель у меня была другая — обратиться к ее автору с вниманием читателя. Я перечитывал эту свою заметку и думаю: не переувалил ли я поэта? Не принесет ли ему это вред? Нет, не принесет. Хватит ему считаться только «областным»!

Инн. Луговский заслуживает того, чтобы занять свое место в ряду хороших детских писателей. У него есть еще одно замечательное качество — он одинаково близок и детям и взрослым.

чертах. Именно поэтому фоном для повествования о пограничниках всегда является жизнь страны с рекордами летчиков, открытиями ученых, новаторским трудом рабочих...

Большинство произведений С. Диковского может быть отнесено к приключенческой прозе. В них есть все признаки жанра: тайга и море как место действия, пограничники и моряки как главные герои, бой как кульминационный момент повествования. Но если авторам многих приключенческих рассказов свойственно представление, что напряженный сюжет может искупить неглубокую обрисовку характеров, а иной раз и банальность словесного выражения, то С. Диковский работал в приключенческом жанре без всяких скидок. Почти каждая страница его книги — страница отличной прозы, каждый персонаж — характер!

И еще одна существенная черта этого писателя. Достаточно раскрыть наудачу его книгу, чтобы понять и почувствовать: такую книгу нельзя написать в кабинете.

И оно так и есть! Посвятив свое дарование теме патристического подвига и подготовки человека к нему, С. Диковский выбрал не только тему, но и определил свою биографию — от участия в боях с белоказами в 1929 году до боевой деятельности военного журналиста на финском фронте в 1940 году, где писатель пал смертью храбрых. Книга «Повесть и рассказы» С. Диковского («Советский писатель», 1954. 428 стр.) так привлекает и так волнует именно потому, что в ней воплотились не только яркое дарование, но и незаурядный человеческий характер художника, который и писал и жил одинаково чисто и мужественно.

Сергей ЛЬВОВ

ОСТРОЕ СЛОВО ПОЭТА

Многие из поэтов, именуемых сатириками, избирают слишком узкое поле для своей деятельности. Они удачно имитируют творческую манеру своего собрата по ремеслу, его поэтический словарь, его излюбленные словосочетания. Со знанием дела изображают они, кто и как написал бы, допустим, на тему «Жил был у бабушки серый котик». Получается смешно, по-своему занимательно и мило, а по существу, слишком кулуарно, узко литературно. Сатира о литераторах и для литераторов, конечно, полезна. Но как хочется увидеть сатирика более широкого размаха, сатирика, черпающего темы для своих произведений из гущи жизни!

Степан Олейник — во многом именно такой писатель. Он обладает завидной ответственностью интонации, умением просто и точно говорить в стихах от имени своих героев — жителей колхозного села. Разговорная речь, добрая улыбка, колючая сатира, обиде конкретных бытовых подробностей — все это органически присутствует в его стихах.

Он — противник эффектов формалистического порядка, условной «красивости» слога. Он пишет с ясным пониманием своей боевой политической задачи, умея на материале частном сделать весомое обобщение. Поэту удаются образы положительных героев. Нам полюбился его «дипломат» — мастер высоких урожаев, с достоинством и сарказмом ведущий у себя в хате беседу с заезжим вагинитским дипломатом. Сама подготовка к беседе вызывает веселую улыбку:

Гнат шутил... А потом на веревку Кобеля взял дворового он И закончил на том «подготовку».

Иронизируя, Гнат извиняется перед заморским гостем, что не может принять его за «круглым столом». Не без острой иронии выражает он «радость» по поводу того, что «сэр... у колхоза не прочь поучиться». А потом колхозник включает радиоприемник и примеряется к личной жизни и жизни своих односельчан опровергает клеветнические измышления «Голоса США». Гостю ничего не остается, как схватить шляпу и убраться во-своем. Удачной поэтикой находкой завершается стихотворение. Жена говорит Гнату:

«Двадцать лет прожила с вами, «сэр», А что вы — дипломат, и не знала!»

На острие поэтического пера берет Олейник бюрократов, безинициативных председателей колхозов, оправдывающих свою бездеятельность тем, что сверху «нету указаний». Поэт развешивает дутый авторитет некоторых «номенклатурных» работников («Незаменимый Машепура»).

Встречаются еще в нашей жизни факты, когда видное должностное лицо одним росчерком пера включает ничем не примечательным человека в список «номенклатурных» работников, и одно это значение дает возможность кое-кому жить привилегиями: не сравнится с работой на одном участке — его «перекладывают» на второй, провалит дело на втором — «перекладывают» на третий, и так до бесконечности.

Здесь Олейник выступает, как человек действительного вмешательства в жизнь, он остро бичует отрицательные явления, создает типизированный образ бездельника, иногда еще благодушнее под снисходительным наименованием «номенклатурного работничка» в нашем государственном аппарате. Предостерегающе звучат заключительные строки этого стихотворения:

Друзья! Возникает тревожный вопрос: Не к вам ли тот сват Машепура поведет?

Хочется больше видеть подобного рода стихов широкого звучания в книгах сатириков.

Активно откликается сатирическая муза Степана Олейника на события международной войны. По заслугам получают от поэта всякого рода сатирические «ветчины Украины», материальные националисты и прочие проходимцы, выброшенные революцией за пределы нашего социалистического Отечества. Как в самой нашей действительности, в поэзии Олейника положительные герои одерживают победу над отрицательными. Четко выражает автор-сатирик свою позицию.

Все это хорошо и радостно отметить... Но когда подряд перечитываешь два

сборника — «Стихи» (Библиотека «Огонек», М. 1954. 31 стр.) и «Незаменимый Машепура» (Библиотека «Юношеская», М. 1954. 47 стр.), то с огорчением замечаешь, что автор иногда переплетает себя, часто употребляет прием, уже использованный, применительно к себе. Если «Дипломат» — стихотворение смежное, удачное, то «Гости» и «Гарбуз» являются лишь близнецами «Дипломата» как по содержанию, так и по манере изложения. А потому и впечатление глубокого они не производят. Точно так же лишены художественной убедительности стихи «Путешествие «Перца», где зарифмованы уже давно известные сведения о пресловутом американском образе жизни. «Огоньковский» сборник выглядит интереснее, в стихотворениях, его составляющих, много живых образов, конкретных подробностей нашей советской жизни. Сборник, изданный в библиотеке «Юношеская», более обозначен, вместо людей в нем присутствует призрачное количество представителей разных специальностей и сумм сведений о них. Таково стихотворение «Мой друг», должностное прославлять самоотверженную работу журналиста.

Он во-время всуюду, и всуюду он к стати: В пеху и у новых каналов и рек. Работник родной коммунистической печати, Советский газетчик, простой человек.

В четырех строках масса шрифтов, а строфа лишена «сердечности». И все стихотворение выдержано в таком же духе. Степан Олейник, поэт острого слова, активного вмешательства в повседневность, не имеет права останавливаться на уже найденном. Пусть он не забывает полезное изречение своего собственного героя:

«А утром я снова трудился на пашне, Мотор запустил — и в работе чуть свет! Нельзя без коня любоваться вчерашним, Иначе обгонит коллега-сосед».

Сергей СМРНОВ

ТРУДНЫЙ ЖАНР

Поэты, черпающие темы из школьной жизни, насчитываются единицами. А книга стихов Юрия Видлера «Школьные знаменитости» (Азербайджанское издательство детской и юношеской литературы, Баку, 1954. 60 стр.) интересна еще и тем, что автор выступает в ней в роли сатирика, осмеивающего некоторые отрицательные стороны школьной жизни. Школьная действительность богата и многообразна. Несомненно, в ней есть явления нежелательные и даже отрицательные, с которыми надо бороться. В этой борьбе сатира могла бы прийти на помощь и самим школьникам, и родителям, и педагогам. Но тут-то и начинается трудность. Сатира, избирающая своей мишенью подростков и обратившая к ним, должна учитывать многие особенности их натуры, возраста и восприимчивости.

Автор «Школьных знаменитостей» задумал свой сатирический сборник как цикл стихотворных портретов отдельных школьников. Все его персонажи — даровитые мальчики и девочки, и все они односторонни, однако, какой-нибудь недостаток, преимущественно неадекватности в учении. Автор знает школьную жизнь, у него есть способность к метким наблюдениям: он, бесспорно, владеет стихом, легко придает ему разговорную интонацию. Повествование его отличается непосредственностью. Но у него получаются не столько сатира, сколько правдоподобные зарисовки, живые и бойкие, окрашенные теплым, участливым юмором, в котором он иной раз умело прячет дидактические выходы.

На первый взгляд кажется, что автор направляет свои стрелы в явления, действительно заслуживающие осмеяния. Это чересчурное, одностороннее увлечение спортом или танцами, пользование шпаргалками, бесплодное расточительство времени в ущерб урокам, двойственное поведение в школе и дома, леность, стремление к знаниям, а в отметкам, небрежное отношение к школьному имуществу...

Но в ряде новелл отсутствуют конкретные черты школьной жизни. Почему смущенный Коля, увлекающийся футболом, читавший Жюль Верна, решающий кроссворды из «Огонька» и обстоятельно рассказывающий содержание виденных картин, не может сказать двух слов о доске «и стоит, сонит в тоске»? Почему Оля Итнякина, получающая в первой четверти, «конечно» (?), одни пятёрки, дальше стала учиться на двойки и единицы? Зачем многоточий скрывают от читателя причины этого?

Странное впечатление производит и то совмещение крайностей, какое автор дает во всех своих новеллах. У него все школьные «знаменитости» примечательны чем-нибудь положительным в превосходной степени, и в превосходной же степени они отмечены недостатками. Например, футболист Коля, знаменитый «правый край», перед которым «замрают» с тайной дрожью вратари, остается на второй год; неряшливая и грубая дома Лена — в школе «первая отличница», «срукодельница на славу», «замечательно поет», и ее фотографии не сходят с доски почета...

Автор оказался в плену своего литературного приема — исторично-однообразно проводимый параллелизм между крайней степенью достоинств и такой же крайней степенью недостатков.

Высмысленно отрицательное, автор нередко выключает в положительное. Можно подумать, что из дружбы, стремления к самостоятельности и самостоятельности, мечты о славе, любви к спорту и кино как раз и проистекают недостатки школьных «знаменитостей».

Так дает себя знать трудность жанра. В сборнике он в некоторой мере скрапывается жизнью рассказа, наблюдательностью, реалистическим подробностями, юмористической окраской повествования. Правда, юмор — не сатира, а юность хочется бы видеть расщепленной яркими образами, точными деталями, краткими словами.

При всем сказанном думается, однако, что сборник этот, скорее юмористический, нежели сатирический, может сослужить свою службу юному читателю.

А. КИРЕНСКИЙ

Выход в свет книги В. Ковалева «Романы Леонида Леонова» еще раз свидетельствует о том, что советская литература за последние годы закономерно стала не только предметом газетной и журнальной критики, но и объектом исследования литературной науки. У нас еще уже работы о творчестве Н. Островского, Л. Фурманова, К. Фелина, П. Эрзенбургера, П. Павленко, Н. Тихонова и других советских писателей (не говоря уже о серьезных исследованиях, посвященных Горькому и Малковскому). И вот перед нами новая работа — творчестве Л. Леонова, обширный труд в 25 печатных листов, вышедший в свет под грифом Академии наук, что само по себе уже знаменательно.

Книга В. Ковалева основана на большом и тщательно собранном материале. Здесь можно найти немало интересных замечаний Леонова о работе над своими произведениями и о литературе вообще. Доселе они были разрознены и затеряны по страницам старых газет и журналов, а теперь писатель может ознакомиться с этим ярким комментарием к творчеству писателя. Широко представлены в книге выдержки из литературно-критических работ, публицистических статей и писем Горького, отнесенных к самому Леонову и к тем вопросам, которые возникают в связи с изучением его произведений. Среди особенностей, но не теряющих своего значения высказываний Горького встречаются совершенно новые материалы, найденные в архивах великого писателя. Прочитав книгу В. Ковалева, читатель сможет убедиться, что творчество Леонова на протяжении развития находило широкий отклик в советской критике и имело резонанс за границей. В. Ковалев использует в своей работе сочинения классиков марксизма, различные документы по истории советского общества, привлекает произведения советских писателей и их суждения о литературе.

Таким образом, книга снабжена большим научным материалом, который, казалось бы, должен свидетельствовать о глубокой научной основе работы, о добросовестном и серьезном изучении творчества писателя.

Но странная вещь: прочитавшись большой труд и видишь, что ты не получил представления о творческом лице писателя и о развитии его дарования, что ты не обогатился новыми представлениями и мыслями о путях движения советской литературы, неотъемлемой частью которой является творчество Леонова.

И дело здесь не в отдельных неверных оценках произведений Леонова и особенностей его таланта: в книге В. Ковалева можно найти немало справедливых общих и частных суждений.

Нельзя также сказать, что Ковалев увлекается анализом идей произведений Леонова, не уделяя достаточного внимания особенностям художественного мастерства писателя, или, напротив, что интерес к стилю у него преобладает над вниманием к идейному содержанию романов. Но как назвать тот, все еще существующий в нашей литературной науке грех, когда под пером ученого произведение литературы превращается в механистическую сумму правильных или неправильных респонсивных вопросов и ответов?

Книга В. Ковалева не возбуждает желания и не рождает необходимости спорить или соглашаться с той или иной трактовкой произведений Л. Леонова, с определенными особенностями его мастерства. Здесь прежде всего нужно говорить о самом уровне этой работы — научном и литературном — безотносительно даже к предмету ее исследования. Но, конечно, от этого уровня зависит освещение, которое получила та или иная проблема творчества Леонова.

Возьмем главный для литературоведческой работы вопрос — вопрос об исследовании художественного текста.

Какой сложный путь борьбы прошла литература, пока революционно-демократическая и марксистская критика не доказала, что метод художника — образная система его произведений, его сюжет, композиция, язык — неразрывно связаны с философскими взглядами, политической позицией писателя, общим уровнем современной ему литературы; что задача литературной критики, когда она анализирует художественное произведение, в котором отдельные свойства и черты объединены неповторимым своеобразием таланта в цельный организм, — увидеть эту сложную связь и найти закономерность возникновения тех или иных особенностей. Все это — основа литературоведения как науки, основа реалистической критики.

По вот мы открываем книгу «Романы Леонида Леонова» и находим там следующее рассуждение.

«Почему Леонов не смог художественно выразить те идеи, которые хорошо осознавал», — спрашивает ученый относительно-абстрактной постановкой вопроса о гуманизме в романе «Вор». И отвечает: «Автор забыл о том, что это — проблема политическая, классовая». 1927 год, когда вышла книга В. Ковалева. Речь идет о таком серьезном вопросе, как взаимоотношения личности и общества, вопрос, который мучил многих писателей прошлого, историческое понимание которого дал марксизм и который для многих советских писателей в 20-е годы оставался камнем преткновения в их поисках художественного осмысления действительности. И вдруг в научном исследовании это ученическое, неуважительное по отношению к серьезному писателю слово «забыл», словно литература — это урок, который можно лучше или хуже выучить. Но, может быть, это случайное, недобкое выражение? Нет, к счастью, Леонов не забывает, что писателю не раз, когда уже совершенно необходимо не только назвать и описать, но и объяснить что-то. «Автор «Вора», — пишет он в другом месте, — занялся «орнаментацией» языка, подаяв об обязанности писателя высказывать и выбирать наиболее точные, мягкие и наиболее осмысленные слова» (цитируется Горький).

Оставим в стороне разговор о таком изысканном выражении, как «занялся «орнаментацией» языка». Но какое представление о развитии нашей литературы может дать работа, в которой так произвольно трактуется в книге В. Ковалева мнения и оценки литературной критики, без всякой попытки привести их в какую-то систему, найти в них свидетельства исторических закономерностей развития литературы. Если автор книги не согласен с мнением критика, он пишет: «М. Сербрянский не заметил в романе постановки и решения идеи трагического» в другом аспекте. «Ермлюмов не обратил внимания на то, что «мурымы» и «грязным» Курдюков представляется лишь людям, которые плохо работали на железной дороге...»

При этом интересно отметить одну характерную для подобных научных сочинений особенность. Если автор книги не согласен с критиком, он не спорит с ним, мнение противника отвергается без всяких объяснений и доказательств. «Некоторые критики говорили», — пишет В. Ковалев, разбирая роман «Скутаревский», — «что писатель не сумел заинтересовать читателя самым научным материалом. На самом деле научная проблематика, охватываемая в романе, совершенно ясна». И все. Безапелляционно, но зато и бездоказательно.

Читаешь книгу В. Ковалева, и начинаешь думать, что не было в истории нашей литературы ни идеологической борьбы, ни различных концепций, ни идейных противников, что создавали ее и писали о ней какие-то забывчивые и невнимательные люди, одним из которых было суждено ошибиться, а другим — действовать правильно.

Е. СТАРИКОВА

Писатель может дать работа, в которой так произвольно трактуется явление стиля, характерное для целого направления в советской литературе, связанное с общим отношением писателя к вопросу о задачах и целях искусства, явлении, которое было одной из болезней молодой советской прозы? А через несколько страниц критика снова замечает, что в «Необыкновенных рассказах о мужиках», «...верно показаны некоторые черты деревни (речь идет о деревенской темноте, отсталости. — Е. С.), писатель забывал о том, что ограничивались только этим — значит сказать не всю правду о современной деревне, представить положение в деревне в ложном свете». Такой странный писатель! В «Барсуках» все помянул, а тут вдруг забыл, а в «Сотях» снова вспомнил!

Писатель, который может рассуждать подобным образом, не являясь в литературе объективно существующего исторического процесса развития художественного познания действительности обществом.

Так же произвольно трактуются в книге В. Ковалева мнения и оценки литературной критики, без всякой попытки привести их в какую-то систему, найти в них свидетельства исторических закономерностей развития литературы. Если автор книги не согласен с мнением критика, он пишет: «М. Сербрянский не заметил в романе постановки и решения идеи трагического» в другом аспекте. «Ермлюмов не обратил внимания на то, что «мурымы» и «грязным» Курдюков представляется лишь людям, которые плохо работали на железной дороге...»

При этом интересно отметить одну характерную для подобных научных сочинений особенность. Если автор книги не согласен с критиком, он не спорит с ним, мнение противника отвергается без всяких объяснений и доказательств. «Некоторые критики говорили», — пишет В. Ковалев, разбирая роман «Скутаревский», — «что писатель не сумел заинтересовать читателя самым научным материалом. На самом деле научная проблематика, охватываемая в романе, совершенно ясна». И все. Безапелляционно, но зато и бездоказательно.

Читаешь книгу В. Ковалева, и начинаешь думать, что не было в истории нашей литературы ни идеологической борьбы, ни различных концепций, ни идейных противников, что создавали ее и писали о ней какие-то забывчивые и невнимательные люди, одним из которых было суждено ошибиться, а другим — действовать правильно.

Творческие интересы Леонова и особенностей его дарования отличаются большой определенностью и постоянством. В то же время писатель прошел сложный путь идейного и художественного развития. В зависимости от времени и изменения взглядов писателя различное решение находили в его творчестве такие проблемы, как столкновение индивидуалистического сознания с нормами социалистической морали и гражданственности, разоблачение мещанства, изображение положительного героя нашей эпохи. В книге В. Ковалева называет роман Леонова, по сути дела, оказывается извлеченным от прелюдий произведений писателя, рассматривается в замкнутом кругу характерных только для него тем и вопросов.

Автор книги считает своим долгом более подробно и одинаково подробно и значительно, невзирая на важность или второстепенность вопроса в данном контексте. Так, если одна из героинь Леонова оказалась актрисой, в книге приводятся подробнейшие цитаты из работ Станиславского о работе актера; называется роман Н. Островского «Как закалялась сталь» — тут же дается зачем-то самая общая оценка этого произведения. В результате главное тонет в общих фразах, в сведениях безусловно справедливых, против которых невозможно что-либо возразить, но присутствие которых вызывает просто недоумение. С другой стороны, некоторые подробности, детали приобретают значение, им не свойственное. Так, значение романа «Дорога на океан» определяется в книге В. Ковалева, в частности, тем, что в нем поднимается проблема... абрта.

Есть в литературоведении распространенный термин — «литературный фоп».

Если проследить, как же отражена обдумываемая творчеством Леонова литература в книге В. Ковалева, то видно, что романы Леонова сравниваются с романами, стихами и поэмами других писателей по отдельным темам, образам, мотивам, а их общее значение, как цельных произведений с определенной образной системой и стилевыми особенностями, как явлений конкретной исторической эпохи, совершенно не учитывается. Такой метод или бесплоден, и тогда он влетает за собою «наблюдения» вроде следующего: «У Перегудова есть, как и у Леонова, образ доса, испуганного человеком и убегающего в лес от шума стройки». ИЛан дает совершенно ложные представления о творчестве отдельных писателей. Так, о повести Леонова «Белая ночь» автор книги пишет: «Изображение внутренней слабости, несостоятельности, разложения в лагере контрреволюции — центр тяжести повести. В этом отношении повесть Леонова несколько напоминает повесть В. Иваново «Бронепоезд 14-69». Можно быть уверенным, что и сам автор этих строк не думает, что центр тяжести «Бронепоезда 14-69», произведения, проникнутого романтикой революционной борьбы, — в изображении «разложения в лагере контрреволюции». Подобные утверждения возникают в силу инерции порочного метода сравнивать произведения искусства по отдельным мотивам, темам и образам, когда к сравнению прибегает только как к украшению, как к иллюстрации, а не как к способу, помогающему установить научную истину.

Одним из сложнейших вопросов литературной науки является вопрос о литературных традициях и традициях. Для изучения творчества Леонова он имеет особенное значение, так как в произведениях Леонова традиции русской классической литературы находят глубокий отклик. Эту черту работы писателя высоко оценил Горький. Заметное воздействие на формирование таланта Леонова имели произведения самого Горького. С другой стороны, существенную роль в творчестве молодого

Леонова сыграл Достоевский. Как ужасно было противоречивые традиции в одном писателе, а порою в одном произведении? Чем объяснялась такая молодого Леонова в Достоевском, почему так трудно он ее преодолевал? На все эти вопросы В. Ковалев отвечает очень просто. Он пишет: «...автор «Вора» произвольно и безосновательно выдвинул на первый план учбу у Достоевского... Относятся к учбу у Достоевского как к средству повышения художественного мастерства, Леонов забывал о том, что некоторые элементы старой художественной формы несут на себе печать породившей их классовой идеологии и не могут быть механически перенесены в советскую литературу». Таким образом, весь сложный вопрос о влиянии и традициях оказывается сведенным к личному своеволению и забывчивости писателя.

Влияние Достоевского на писателей конца XIX и начала XX века объясняется тем, что этот писатель с огромной силой изобразил противоречия мелкобуржуазного индивидуалистического сознания, перед которым эпоха ставила дилемму — или быть заодно с угнетателями народа и отказываясь от гуманистических идеалов, или идти в революцию, покинув индивидуалистические позиции. Многие проблемы, стоявшие перед героями Достоевского, продолжали волновать интеллигенцию и много позже — в эпоху социалистической революции. Достоевский видел выход для героев в религии, в покаянии, в смиреннии. В этом была его реакционная позиция. Разрешить противоречия индивидуалистического сознания можно было только с позиций марксизма. Отсутствие твердой научной основы в мировоззрении некоторых советских писателей 20-х годов, в том числе Леонова, открывало доступ в их творчество влиянию Достоевского.

Рапповская критика обрела Леонова на вечный удел эпитета Достоевского. Горький считал, что Леонов преодолел влияние Достоевского, он знал, что молодой талантливый советский писатель, любящий свою Родину, верящий в силы своего народа, должен глубоко и верно осознать идеи социалистической революции. Так оно и было. Хотя изображение противоречий индивидуалистического сознания продолжало оставаться одной из тем творчества Леонова на всем пути его развития, но теперь он уже полемизировал с Достоевским с ясных позиций социалистического гуманизма.

Вопрос о преломлении в творчестве Леонова других литературных традиций разрешается в книге В. Ковалева по тому же порочному и бесплодному методу сравнения по отдельным «мотивам», «приемам» и «особенностям». Метод этот приводит к тому, что писатель порою предстает на страницах этой книги чуть ли не эпитомом. В. Ковалев пишет: «В связи с горьковским сравнением автора «Сотях» с живописцем можно указать на близость Леонова к голговерскому стилю». Почему же? Оказывается, потому, что «Белинский, как известно, считал «живописное» достоинство стиля Гоголя припадочностью его гения». И тут же: «В связи с указанием Горького на то, что у Леонова «почти нет лишнего слова», можно отметить сходство «лишнего» стиля писателя со стилем прозы Салтыкова-Щедрина, предельно насыщенной мыслью, содержанием...». И это выдвигается за науку! По такому методу можно сравнивать Леонова со всеми гениями прошлого, потому что у гениев почти нет лишнего слов.

В книге В. Ковалева, напротив, оторчат бессодержательное многословие, облеченное в наукообразную форму. Попробуйте сказать, что в ней не раскрыты принципы речевой характеристики героев, и вам тотчас же придет пример: «Речевая характеристика Удальева подчеркивает типическое значение образа, его конкретные качества.

Первая его реплика в начале романа такова: «Двигай, двигай... — крикнул он спутникам своим на дороге... В реплике уже выражена воля героя, дается первая законодательная характеристика его силы и устремленности». Вот какой многозначительный вывод!

Ли автор книги пишет: «Если в произведениях 20-х годов Леонов уделял преимущественное внимание раскрытию внутреннего мира и индивидуализации людей прошлого, то в 30-е годы у него на первом плане стоит изображение духовного облика советского человека. Сама «натура» прежних героев толкала Леонова к анализу строя «старых чувств», к преувеличению роли внутренних противоречий в психике персонажей, к изоляции их от действительности».

Рассуждая таким образом, можно прийти к выводу, что Горькому, когда он создавал «Жизнь Клама Самгина», угрожала опасность стать проводником морального разложения и политического прелюдательства... Книга В. Ковалева является примером пренебрежения к языку, которое часто встречается в научных трудах, в диссертациях наших литературоведов. Беда даже не в том, что язык этот до крайности невыразителен, что в книге встречаются фразы вроде следующих:

«Одним из показателей несостоятельности «барсуков» было их постепенное превращение в уголовную банду, что вело к изоляции от населения, мало того — к тому, что крестьяне начинают активно бороться с ними».

«Семен переставал владеть собою. Совершенно разрушенное личное».

«Брыкин обрисован тем же путем художественного обобщения, как и Семен».

Главная беда в том, что даже правильные мысли автор выражает языком неточным, приблизительным.

Наша критика все еще отстает от развития литературы и жизни, она все еще играет малую роль в развитии современной литературы, у нее много законченных недостатков. Все это верно. Но у нас есть определенный научный уровень подхода к явлениям литературы.

Мне представляется, что выход в свет книги В. Ковалева можно расценивать как отсутствие позиций, завоеванных советской наукой о литературе.

Леонов сыграл Достоевский. Как ужасно было противоречивые традиции в одном писателе, а порою в одном произведении? Чем объяснялась такая молодого Леонова в Достоевском, почему так трудно он ее преодолевал? На все эти вопросы В. Ковалев отвечает очень просто. Он пишет: «...автор «Вора» произвольно и безосновательно выдвинул на первый план учбу у Достоевского... Относятся к учбу у Достоевского как к средству повышения художественного мастерства, Леонов забывал о том, что некоторые элементы старой художественной формы несут на себе печать породившей их классовой идеологии и не могут быть механически перенесены в советскую литературу». Таким образом, весь сложный вопрос о влиянии и традициях оказывается сведенным к личному своеволению и забывчивости писателя.

Влияние Достоевского на писателей конца XIX и начала XX века объясняется тем, что этот писатель с огромной силой изобразил противоречия мелкобуржуазного индивидуалистического сознания, перед которым эпоха ставила дилемму — или быть заодно с угнетателями народа и отказываясь от гуманистических идеалов, или идти в революцию, покинув индивидуалистические позиции. Многие проблемы, стоявшие перед героями Достоевского, продолжали волновать интеллигенцию и много позже — в эпоху социалистической революции. Достоевский видел выход для героев в религии, в покаянии, в смиреннии. В этом была его реакционная позиция. Разрешить противоречия индивидуалистического сознания можно было только с позиций марксизма. Отсутствие твердой научной основы в мировоззрении некоторых советских писателей 20-х годов, в том числе Леонова, открывало доступ в их творчество влиянию Достоевского.

Рапповская критика обрела Леонова на вечный удел эпитета Достоевского. Горький считал, что Леонов преодолел влияние Достоевского, он знал, что молодой талантливый советский писатель, любящий свою Родину, верящий в силы своего народа, должен глубоко и верно осознать идеи социалистической революции. Так оно и было. Хотя изображение противоречий индивидуалистического сознания продолжало оставаться одной из тем творчества Леонова на всем пути его развития, но теперь он уже полемизировал с Достоевским с ясных позиций социалистического гуманизма.

Вопрос о преломлении в творчестве Леонова других литературных традиций разрешается в книге В. Ковалева по тому же порочному и бесплодному методу сравнения по отдельным «мотивам», «приемам» и «особенностям». Метод этот приводит к тому, что писатель порою предстает на страницах этой книги чуть ли не эпитомом. В. Ковалев пишет: «В связи с горьковским сравнением автора «Сотях» с живописцем можно указать на близость Леонова к голговерскому стилю». Почему же? Оказывается, потому, что «Белинский, как известно, считал «живописное» достоинство стиля Гоголя припадочностью его гения». И тут же: «В связи с указанием Горького на то, что у Леонова «почти нет лишнего слова», можно отметить сходство «лишнего» стиля писателя со стилем прозы Салтыкова-Щедрина, предельно насыщенной мыслью, содержанием...». И это выдвигается за науку! По такому методу можно сравнивать Леонова со всеми гениями прошлого, потому что у гениев почти нет лишнего слов.

В книге В. Ковалева, напротив, оторчат бессодержательное многословие, облеченное в наукообразную форму. Попробуйте сказать, что в ней не раскрыты принципы речевой характеристики героев, и вам тотчас же придет пример: «Речевая характеристика Удальева подчеркивает типическое значение образа, его конкретные качества.

Первая его реплика в начале романа такова: «Двигай, двигай... — крикнул он спутникам своим на дороге... В реплике уже выражена воля героя, дается первая законодательная характеристика его силы и устремленности». Вот какой многозначительный вывод!</

ГОЛОС НЕМЦЕВ

Нота Советского правительства от 24 июля, в которой содержится ясное и конкретное предложение об обеспечении коллективной безопасности в Европе, находит сочувствие и поддержку широких масс во всех странах, ибо она отвечает коренным интересам народов. Горький отклик встретила советская нота, в частности, среди населения Германской Демократической Республики. Мы приводим опубликованные берлинской газетой «Трибуна» высказывания рядовых людей труда, которые от всей души приветствуют новую мирную инициативу Советского Союза.

«Я надеюсь, что представители европейских государств договорятся между собой...»

Альфред Штантке, линейный бригадир трамвайной линии № 92 в Берлине, говорит:

— Я стою за то, чтобы состоялась европейская конференция и чтобы в ней приняли участие правительства обеих частей Германии. Было бы очень хорошо, если бы представители европейских государств договорились между собой относительно Общепервоначального договора о коллективной безопасности в Европе. Тогда нам не придется пережить то, что пережила я во время последней войны.

«Не «европейское оборонительное сообщество», а система коллективной безопасности в Европе»

Садовник Карл-Гейнц Лангнер высказывает следующее мнение:

— Я очень надеюсь на то, что совещание состоится и что страны-участницы придут к соглашению по поводу системы коллективной безопасности в Европе. Не «европейское оборонительное сообщество», а только система обеспечения коллективной безопасности, предложенная Советским Союзом, может воспрепятствовать новой мировой войне.

«Я приветствую новую ноту Советского правительства»

Эльза Хан, продавщица продуктового магазина, заявляет: — Я, работница торговой сети, могу лишь приветствовать новую ноту Советского правительства. Надеюсь, что предлагаемое совещание будет дальнейшим шагом на пути к единству Германии.

Эти искренние слова свидетельствуют о том, что к миллионному сердцу во всех странах пробивает себе путь идея коллективной безопасности европейских народов.

ТОТ ПОЖНЕТ БУРЮ

Быть ли миру или войне в Европе*

Артур КАН, американский публицист

«Разумеется, с применением водородной бомбы будет убито больше людей. Тут уж ничего не поделаешь. Так что и волноваться нечего».

Генерал-лейтенант К. Р. Гюбнер, начальник управления гражданской обороны штата Нью-Йорк.

В 1945 году один американский корреспондент, находясь в Европе, спросил маленькую девочку, какое ее самое заветное желание теперь, когда наступил мир.

Девочка ответила: «Мне бы хотелось вырасти».

Генералу Гюбнеру 66 лет, и за плечами у него достаточно деятельная жизнь. В частности, во второй мировой войне он командовал американскими войсками, сражавшимися против гитлеровцев. Но у генерала, возможно, есть внуки. Он может быть, услышав его заявление относительно несравнительно водородной бомбы, опубликованное газетой «Уорлд-телеграмм» в марте этого года, они воскликнут с детской непосредственностью: «А почему ты ничего не сделаешь для того, чтобы не убивали еще больше людей? Ведь если не будет войны, никто не бросит бомбы!»

Заявлению генерала Гюбнера предшествовало высказывание государственного секретаря Джона Фостера Даллеса. 12 января он объявил, что Национальный совет безопасности принял «принципиальное решение... полагаться в первую очередь на большую потенциальную возможность немедленно нанести удар там, где «мы это сочтем нужным, и теми средствами, какие мы сами выберем».

Но разве обязанность демократической нации не заключается в том, чтобы приглядеться к тем районам земного шара, где международная напряженность грозит привести к водородной войне, и подумать, как бы предотвратить эту угрозу миру путем прочного мирного урегулирования? Не лучше ли нам выполнить эту обязанность?

Одним из таких районов является Германия. Германия — это мощная индустриальная страна, искусственно расчлененная, оккупированная четырьмя иностранными армиями. Германия — это, кроме того, один из немногих азиатских районов, куда завезено американское атомное оружие.

В последнее время руководители западноевропейского правительства сильно волнуют военные вопросы. Речь идет не о разрушительных свойствах водородной бомбы и не о наличии на германской земле атомной артиллерии, а о «европейском оборонительном сообществе». С созданием его ремиляризация Западной Германии была бы осуществлена путем включения германских континентов в «европейскую армию».

А дальше? Послушаем, что говорят эти люди, каковы их планы.

Конрад Аденауэр, канцлер западноевропейского правительства: «Мы хотим войны в европейскую армию главным образом для того, чтобы иметь возможность вернуть наши восточные территории».

Он же: «Перевозоружение Западной Германии должно стать подготовкой нового порянка в Восточной Европе» (выделено мной. — А. Н.).

Он же: «Мы все говорим о воссоединении (Восточной и Западной Германии). Не лучше ли было бы сказать: «освобождение Восток»?»

Йоко Каблер, министр по общегерманским делам: «Настоящая Европа может быть создана лишь тогда, когда будет существовать объединенная Германия; а это — разрешит вам напомнить — не только Германия, но и Австрия, половина Швейцарии, Саарская область и Эльзас-Лотарингия».

Ганс Зебем, министр транспорта: «Европейскую культуру можно найти только там, где живут немцы».

Франц Штраус, министр без портфеля: «В будущем немецкие солдаты столкнутся с теми же задачами, какие стояли перед солдатами старшего поколения».

Д-р Герман Элер, председатель бундестага: «Мы не можем забыть, что будущее каждого немца было и остается — завоевать восток и юг-восток».

Даже генерал Гюбнер не может не признать, что эти высказывания достойны тех самых нацистов, против которых он воевал десять лет назад.

Когда лилась кровь во второй мировой войне, все ожидало, что Германия даст вооружиться после Версаля. Однако сегодня вооружение Западной Германии — это «главная цель внешней политики США», как писала в ноябре 1953 года газета «Нью-Йорк геральд трибуна».

Отличаются ли нынешние руководители Западной Германии от тех, кто 15 лет назад, под лозунгом спасения западной цивилизации от «большевизма», развязал войну за мировое господство? Нет, это те же люди. Те, кто шел за Гитлером, теперь идут за Аденауэром. — Эти слова принадлежат корреспонденту корпорации Скриппс-Говард Лазведо Денни. А вот факты. Уже помилованы гитлеровские военные преступники, ранее приговоренные к висельным или тюремным. Гитлеровские фельдмаршалы Кессельринг, фон Манштейн и Лист прокумали «сообщки», допущенные в прошлой войне, и снова рвутся в бой. Из 174 человек, занимающих высшее положение в фактическом военном министерстве Аденауэра, 23 состояли при Ставке Гитлера, 77 были членами его генерального штаба.

На собраниях военных реваншистских союзов и организаций, которые с невероятной быстротой расплодилось в Западной Германии, адмиралы и фельдмаршалы провозглашают «боевые позывы» гитлеровцев. «Союз немецких солдат», во главе которого стоит бывший адмирал Ганзен, имеет, по его же собственным данным, более 3 000 местных отделений. Кроме того,

Под таким названием в Нью-Йорке вышла недавно в свет брошюра известного американского публициста Артура Кана. Артур Кан после второй мировой войны работал в аппарате Военной администрации США в Германии. Ему это принадлежит по числу наиболее известных писателей «Правды» (о политическом американском осуждении власти в Западной Германии, «Высказались», «Америка хочет мира», а также многочисленные статьи на внешнеполитические темы).

Статью «...Тот пожнет бурю» мы печатаем с небольшими сокращениями.

существует свыше 500 патковых объединений. Под председательством Кессельринга возобновил свою деятельность ультра-националистский «Стальной шлем».

Засовыми, объявленными на процессе в Нюрнберге преступной организацией за свое зверское обращение с мирным населением, теперь похваляются тем, что планируемая «европейская армия» будет строиться по образцу их многонациональных частей, набранных из полковников десятка стран. Они готовы действовать. «Аденауэр знает, что мы сливки немецкой

Домашняя хозяйка Эльвира Манера из Милана со знаменем, шитым жителями города. На каждом из лоскутков, составляющих знамя, женщины вышили слова: «Скажем «нет» европейскому оборонительному сообществу».

нации, — заявил эсэсовский генерал Гилде на митинге штурмовиков в августе 1953 года. — Придет время, и он тоже призвет нас к делу».

В Западной Германии уже прошли военные обучение около полумиллиона человек: 174.000 — в полицейских войсках, 145.000 — в так называемых «саюзных частях» и еще 145.000 наемников — в оккупационных армиях западных держав. За набора в возрожденный вермахт западноевропейское правительство зарегистрировало 150.000 добровольцев.

В порядке идеологической подготовки всего населения Западной Германии к новым военным авантюрам выпускается огромное количество книг и журналов, восхваляющих Гитлера и прусский милитаризм. В числе наиболее ходячих из 200 популярных книг, изданных в 1951—1953 годах, можно назвать:

«Мы оправдываем Гитлера» (опубликована анонимно);

«Войска СС в действии», автор — генерал-полковник эсэсовских войск Пауль Гауэр (военный преступник);

«Солдат до последнего дня», автор — фельдмаршал Альберт Кессельринг (военный преступник);

«Солдат парашютных частей» — генерал Рамке (военный преступник).

А распространяемый милитаристский ежемесячник «Рассказы фронтовика», стремясь привлечь германскую молодежь в новый вермахт, недавно зала подает: «Когда же нам дадут попробовать еще раз?»

Те американцы, которые утверждают, что вооружение Германии необходимо в интересах обороны Запада, говорят, что раз другие страны, лучше знакомые с гитлеровскими, не возражают против ремиляризации Западной Германии, то американцам и полагать не о чем беспокоиться.

Правы ли эти американцы? И что в действительности думают жители Ловентри, Шербурга, Роттердама и Неаполя? Начнем с того, что руководители западноевропейских правительств, выступая в поддержку «европейского оборонительного сообщества», не выражают общественного мнения своих стран, явно враждебного этой затее. Во Франции, без которой никакого «европейского оборонительного сообщества» невозможно, эту враждебность разделяют и коммунисты, и крайние правые, и большие группы внутри умеренных партий. «Большинство депутатов Национального собрания не хочет ни вооружения Германии, ни европейской армии», — писала парижская «Лез эхо». Программу эту осудил маршал Франции Альфонс Жюэн. Де Голль пригрозил, что если будет ратифицирован парижский договор он сам возглавит восстание против французского

Затем с «европейским оборонительным сообществом» близка к банкротству. Да и какое оно «европейское»? Из тридцати двух стран Европы в нем участвуют всего шесть: из этих шести два крупных государства, Франция и Италия, не ратифицировали договор; три других принадлежат к самым маленьким странам в Европе; а одно — Западная Германия — это только часть страны. И создается это сообщество не для обороны, что бы ни кричали политики и милитаристы в Западной Германии. По существу, оно и не является сообществом, об этом говорят взаимные опасения и вражда между его участниками.

Каков же выход?

Советские предложения на Берлинском совещании (в Европе они были обнаружены шире, чем в США) укрепили среди жителей Западной Европы убеждение в том, что Советский Союз искренно желает мирного урегулирования для Германии.

Советское предложение провести по всей Германии референдум по вопросу «За мирный договор и парижский договоры или за мирный договор» показало уверенность Советского Союза в миролюбивых настроениях немецкого народа.

Предложение созвать конференцию представителей Восточной и Западной Германии для сокращения численности вооруженной полиции показало, что Советский Союз выступает против вооружения всей Германии, а не только Западной.

Предложение провести общегерманские выборы под наблюдением самих немцев показало, что Советский Союз готов принять объединенную, нейтральную Германию. В таких выборах сильнее было бы влияние Западной Германии, где сосредоточена большая часть населения.

Наконец, самое главное советское предложение — заключить Общевосточный договор о коллективной безопасности с участием США как союзника в войне против Гитлера показало желание Советского Союза прекратить холодную войну в Европе. Такой договор был бы серьезным шагом для предотвращения войны на европейском континенте и означал бы переговоры — пусть долгие и томительные — вместо вооруженного конфликта, в результате которого от Европы ничего не осталось бы.

Итак, будет ли дано вырасти нашим детям? Ответ на этот вопрос, возможно, зависит от того, сумеет ли мы, американцы, изменить «главную цель внешней политики США» так, чтобы вместо курса на вооружение западногерманских милитаристов — курса, безнадёжность которого день ото дня становится более очевидной, — появились гибкость и широта взглядов, и готовность к уступкам в переговорах.

2 Имеются в виду планы Боннского реваншизма с помощью оружия насильственно «присоединить» к боннскому рейху Восточную Германию.

3 Имеются в виду парижский и боннский договоры. (Ред.)

1 Автор, очевидно, имеет в виду бывших французских премьеров Эррио и Даллеса, выступавших против «европейского оборонительного сообщества».

С. МАРШАК РАЗГОВОР ПО ДУШАМ

Рис. Вор. ЕФИМОВА

Судьи в английском графстве Уилтшир 29 июля запретили выкупать в библиотеке «Декамерон» Боккаччо. Писмо произведение великого итальянского писателя, был запрещен еще 64 книги. Тщето защитник доказывал, что «Декамерон» считается классическим произведением, на протяжении пятисот с лишним лет по праву занимающее место в сокровищнице мировой литературы. Не помогли и ссылки на то, что произведения Боккаччо «одождали Шекспира и что полиция выставила себя в смешном виде, наложив на них запрет».

(Из газет)

На днях в английском графстве Уилтшир. Под сенью лип заброшенного парка, глубокой ночью встретились Шекспир, Боккаччо, Вергилий и Петрарка.

Шекспир сказал: — Как ни прискорбно мне, Я должен извиниться перед тенью Боккаччо: в родной моей стране «Декамерон» подвергся запрещению!

История пошла, как видно, вправо. Боккаччо, поверь: во время оно Английский суд не думал запрещать Страницы твоего «Декамерона».

Вчера, покинув тесный свой приют, Я посмотреть отправился новинки,

Которые пудами продают Торговцы на английском книжном рынке.

И если бы до нынешнего дня Я сохранил остатки шевелюры, Она бы дымом встала у меня От этой, так сказать, литературы.

Я видел, что лежат на всех лотках Книжонки про бандитов и пиратов, Но смрадную страйну заморских Штатов Не запрещаю судьи в паринах.

Услышав эту горестную речь, Воскликнул Петрарка и Вергилий: — И нам голов, пожалуй, не сберець. Бежим, куда нас не запретили!

ЧТО ДЕЛАЕТ ДОНОВЕН В ТАИЛАНДЕ

Вопреки Женевским соглашениям, предусматривающим, как известно, обязательства не создавать иностранных военных баз на территориях Вьетнама, Лаоса и Камбоджи, а также не включать эти государства ни в какие союзы, противоречащие Уставу ООН, правящие круги США сразу же после подписания этих соглашений объявили о своем намерении добиваться включения в СЕАТО «Организация блока стран Юго-Восточной Азии» южной части Вьетнама, Лаоса и Камбоджи. Даллес заявил, что военная помощь государствам Индо-Китая будет продолжаться, а посольство США в Сайгоне «настоятельно рекомендовало» Вашингтону продолжать военные поставки и обучение войск Южного Вьетнама, Лаоса и Камбоджи.

На случай, если бы вовлечь указанные три государства Индо-Китая в агрессивный блок оказалось трудно, американская дипломатия уже заранее подготовила плацдарм для нажима на эти страны и вмешательства в их внутренние дела. Роль такого плацдарма в планах американских агрессоров отводится Таиланду — непосредственному соседу Лаоса и Камбоджи.

В августе прошлого года правительство США направило своим послом в Таиланд матерого разведчика, организатора и руководителя центральной органа американской разведки в прошлую мировую войну — ОСС (бюро стратегических служб), генерала Уильяма Доновена. Деятельность Доновена, сообщает «Ньюсуик», принесла ныне свои «плоды». Недавно, «когда война в Индо-Китае пришла к своему трагическому концу» (так этот журнал характеризует итоги Женевского совещания! — Н. Н.), правительство Таиланда объявило, что оно намерено увеличить вдвое численность своей армии, насчитывающей сейчас около 60 тыс. человек, пригласить в страну многочисленную военную миссию США и присоединиться к проектируемому США пакту для Юго-Восточной Азии.

«США», — продолжает «Ньюсуик», — уже обучают и снаряжают армию для Таиланда, ближайшего соседа Индо-Китая. Благодаря в доброй мере усилиям посла Уильяма Доновена план США уменчался блестящим успехом». Солдаты Таи, дикуют журнал, «будут сражаться».

«Ньюсуик» сообщает также, что в конце июля министерство обороны США объявило о принятии программы расширения военной помощи Таиланду. В эту программу входит: ускоренная (8—12 месяцев) подготовка командного состава для новых тайландских дивизий, которые будут сформированы, отправка Таиланду реактивных самолетов, танков, артиллерии и другого оружия, строительство стратегического шоссе «в направлении от центральной к восточной части Таиланда» протяженностью около 300 миль и стоимостью в 3 миллиона долларов.

Это «стратегическое шоссе» показано на приложенной к статье карте с открыто военным авиационным заголовком «Таиланд: линия фронта в Азии» (см. рисунок). Оно идет от Сара Бурри через Нахан Рачасима до Ван Паи и оттуда, как видно на карте, легко может быть продолжено до лаосской границы. Не забыты и природные ресурсы Таиланда: на карте показаны ресурсы риса, тека (ценная порода строительного леса), олова, каучука. А на

карте-врезе, в нижнем правом углу, показана в миниатюре Юго-Восточная Азия с очерченным на ней прямоугольником. Это тот самый «периметр обороны», о котором так любит говорить государственный секретарь США Даллес, чтобы прикрыть планы агрессии США в Азии.

Таковы аннотации американских империалистов. И не случайно для осуществления своих замыслов они выбрали Доновена, посла в Таиланде. Доновен относится к числу наиболее рьяных проповедников новой мировой войны.

«Когда президент Трумэн вмешался в войну в Корее», — продолжает «Ньюсуик», — генерал Доновен аллоцировал этому шагу, но резко критиковал политику, позволяющую создавать тунику. Он настаивал на том, чтобы театром военных действий стала вся Азия.

И генерал Доновен дихоразочно торпится. Сейчас он отправился с «особыми поручениями» на Тайвань, форсировать подготовку к «наступательным операциям» чанкайшистских банд.

Одновременно с этим в Новую Зеландию, Австралию и Японию командирован начальник военно-разведывательного отдела американской армии генерал-майор Трудо. Все больше американских и английских офицеров посещает Индонезию, Бирму и другие страны. По сообщению того же «Ньюсуик», командующий американскими войсками в Южной Корее генерал Тайлор представил недавно Пентагону план корейской реорганизации лисьяновской армии «применительно к специфическим условиям военных действий в Корее».

Но поджигательские планы милитаристских кругов США наталкиваются на возрастающее сопротивление народов. Индия уже отказалась участвовать в намечаемой агрессивной организации СЕАТО. Растет сопротивление политике США в Японии, в Бирме, в Индонезии, на Филиппинах. Политика натравливания «азиатов против азиатов», которую так рьяно проводит в жизнь американский разведчик Доновен, обречена на неизбежный провал.

Н. НОВОСЕЛЬСКИЙ

Правление Союза советских писателей СССР и правление ССП Грузинской ССР с глубоким прискорбием извещают о смерти выдающегося советского поэта и драматурга, лауреата Сталинской премии, члена Президиума Верховного Совета Грузинской ССР, председателя республиканского Комитета защиты мира, члена правления ССП СССР и члена правления ССП Грузии

Ильи Онисимовича МОСАШВИЛИ

Главный редактор Б. РЮРИКОВ. Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, Г. ГУЛИА, А. КОРНЕЙЧУК, В. КОРОТЕЕВ, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), А. КРИВИЦКИЙ, В. ОЗЕРОВ (зам. главного редактора), К. ПАУСТОВСКИЙ, Н. ПОГОДИН, С. СМЕРНОВ.